

АНДРЕЙ КОВАЛЕВ

ДИНОЗАВР КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ

КАК
СПРАВИТЬСЯ
С ЛЮБЫМ
КРИЗИСОМ

Андрей Аркадьевич Ковалев
Динозавр, который выжил. Как
справиться с любым кризисом
Серия «Умный бизнес»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68078396
ISBN 978-5-17-115224-6

Аннотация

Андрей Аркадьевич Ковалев – известный российский бизнесмен, радиовещущий, общественный деятель.

В этой книге он анализирует изменения, которые произошли в России, и поднимает актуальные вопросы для бизнеса:

[ul]Как правильно открыть свой первый бизнес?

Какими качествами должен обладать лидер и какой должна быть его команда?

Какие ошибки и риски ждут начинающего бизнесмена?

Кто такие инфоцыгане?[/ul]

И конечно же главный вопрос: «Что ждет российскую экономику?»

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Почему я решил написать книгу	5
Глава 1. Мой жизненный путь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Ковалев

Динозавр, который выжил

*Как справиться с
любым кризисом*

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Мнение Издательства может не совпадать с мнением автора

© Андрей Ковалев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Почему я решил написать книгу

Моя история – это история нашей страны. Я прожил большую жизнь, мне есть чем с вами поделиться, и уверен, что самое интересное у нас с вами впереди.

Я проповедник предпринимательства. Главная моя мечта – Российское экономическое чудо!!!

Поверьте, я честный человек. Нет людей, которые могут сказать, что дали мне взятку или были обмануты мной.

Я патриот и никогда не уеду из своей страны. Я врос корнями в Россию.

Мы живем с вами в самой богатой стране мира, у нас есть все: нефть, газ, лес, алмазы, металлы, у нас есть образованные люди, но почему мы на 117-м месте по темпам роста ВВП? Потому что у нас ужасные условия для ведения бизнеса, огромные налоги, большие ставки по кредитам, дикое административное давление на предпринимателей.

России нужны мощные экономические реформы, сопоставимые по масштабам с теми, которые были в Китае и Сингапуре. Против нас сейчас весь мир. Из России уезжают предприниматели. Но давайте вспомним ситуацию после Гражданской войны – ведь тогда международная изоляция России была посильнее, чем сейчас, все было разрушено, и умирающий Владимир Ильич Ленин, понимая, в какую пропасть он завел страну, объявляет Новую экономическую по-

литику. Свобода бизнесу! И в Россию едут предприниматели со всего мира – Арманд Хаммер, например. Почему? Потому что в России можно было тогда очень хорошо заработать. А сейчас в России заработать очень трудно.

Помните фильм Юрия Дудя о наших ребятах, которые переехали со своими стартапами в Силиконовую долину? А я хочу, чтобы Юрий снял фильм об американских ребятах, которые приехали в Сколково открывать свои стартапы. Вы скажете – «Это фантастика!», я отвечу – «НЕТ!»

Я критикую правительство. Но если критикуешь, то предлагай. И я предлагаю мощную программу реформ.

Если она будет реализована в России, то предприниматели со всего мира поедут к нам, потому что у нас будут лучшие условия для ведения бизнеса в мире. И с 117-го места по темпам роста ВВП мы переместимся на первое. Но я не оппозиционер. Я против революций. Я за власть. Но хочу, чтобы власть стала лучше.

И очень важно, чтобы в результате реформ улучшения в своей жизни почувствовали не только предприниматели, но и все граждане нашей страны. Чтобы они жили богато и счастливо. Мы вместе должны сделать Россию раем для людей, которые хотят много работать и много зарабатывать.

Глава 1. Мой жизненный путь

Вы можете родиться в любой семье, но кто может добиться успеха? Это предопределенность, данная от рождения? Или следствие жизненного опыта? На одной из лекций я подробно разобрал, из каких семей происходят люди, которые вошли в мировой список «Форбс». Никаких закономерностей. В нем есть как люди из очень богатых семей, например Трамп, а есть люди, у которых мама была женщиной легкого поведения, а отец их бросил, когда они еще были детьми.

Я родился в коммуналке на Рогожской заставе, и несколько лет мы жили в квартире площадью пятнадцать квадратных метров впятером: папа, мама, бабушка, я и мой брат. Самая обыкновенная семья. Дедушки и бабушки были из крестьян. Родители мамы – из Тульской губернии. Правда, по легенде, которую рассказывала бабушка, прабабушка родилась в результате романа с графом – хозяином поместья. То есть, возможно, где-то во мне течет дворянская кровь))) Семья отца по Столыпинской реформе переехала в Омскую губернию. У дедушки, наверное, была предпринимательская жилка: он стал зажиточным крестьянином, начал вести большое хозяйство. Зимой он работал в самом Омске, строил деревянные дома. Говорят, они до сих пор стоят. В тридцатые годы его раскулачили. Хорошо, что не расстреляли, не сослали на Колыму, просто все отобрали и оставили в деревне

– такие были времена. Двоюродный дедушка по папе попал в плен в начале войны. Тогда миллионы в плен попали. А после освобождения его отправили в лагерь на восемь лет (кстати, пленные французы, англичане, американцы, попавшие в плен, получали медали). Двоюродный дедушка никогда потом не вспоминал ни войну, ни лагеря. Дядя Иван погиб на Курской битве. Бабушка Феодосия Александровна, которая нас с братом и воспитала, работала простой санитаркой, была неграмотной, тайком от отца ходила в церковь. А вот брат ее был директором большого завода в Ленинграде. И фамилию его помню – Соловьев. Дедушка по маме умер рано от туберкулеза. Он был рабочим, но писал стихи (может, и мне это передалось через поколение). Сохранилась даже тетрадка его стихов. Конечно, среди его стихотворений много про Сталина, про победу пролетариата, но есть одно очень симпатичное:

*Наша серенькая кошка
Простудилась у окошка.
Испугались не на шутку
Мы за бедную Машутку
И решились, сгоряча,
Звать профессора-врача.*

*Я немедленно лечу
К знаменитому врачу.
Доктор, дома Вы? Да! Да!*

*Помогите нам – беда!
Наша серенькая кошка
Простудилась у окошка,
И теперь у бедной Маши
Ломота, озноб и кашель.*

*Доктор молвил мне в ответ:
– Я могу Вам дать совет:
Чтоб избегнуть лихорадки
Надо выпить кофе сладкий,
А потом лежать в постели
С теплым бинтиком на теле.*

Когда бабушка умерла, под кроватью у нее нашли в мешках огромное количество сухарей. Бабушка, помню, говорила: «Главное, чтобы не было войны». Такое было поколение.

Мама окончила МГУ по специальности «Филология», но параллельно занималась вокалом. Потом училась в музыкальном училище имени М. М. Ипполитова – Иванова, кстати, вместе с Аллой Борисовной Пугачевой. После тридцать пять лет пела в Большом театре, объехала весь мир. Мы ждали возвращения мамы с гастролей всегда с огромным нетерпением. Из-за границы она привозила джинсы. В то время, если у тебя не было джинсов, девушки тебя не замечали. И мама из Америки, привозила те самые джинсы. Помню, она удивлялась: килограмм клубники, которая абсолютно бесплатно росла у нас на даче, стоила столько же, сколько син-

тетическая кофточка, которая стоила сто рублей. Для советского человека это было невероятно.

Папа – полковник, вышел в отставку. Он наверняка дослужился бы до генерала, но в какой-то момент, после инцидента на Даманском полуострове, его перевели на китайскую границу. А у мамы Большой театр, карьера, переехать она к нему не могла. Даже в отпуск на Дальний Восток ездить у нее не получалось. Поэтому папу мы видели только когда он приезжал в отпуск в Москву. Так продолжаться не могло, и мама поставила условие, что если он не уйдет в отставку и не вернется, то они разводятся. Папа в это время командовал полком, и ему сказали: «Если останешься, дадим тебе дивизию и звание генерал-майора». Но папа все-таки выбрал семью. Если бы остался в армии, я уверен, что он дослужился бы до больших должностей. Помните, как в фильме «Офицеры»: «Есть такая профессия – защищать Родину».

9 мая был святой праздник для него. Он надевал все свои ордена и медали. Ехал к Большому театру, там всегда собирались ветераны Великой отечественной войны.

Хотя отец был военным до мозга костей, после отставки он сумел найти себя. Его назначили директором профессионального технического строительного училища, и он очень успешно им руководил, превратил его в огромный комплекс, сделав особый упор на реставрационных профессиях. Сейчас это реставрационный колледж. Отец был очень строгим и суровым человеком, методы воспитания были соответству-

ющие. Во втором классе он нашел у меня окурки (сигареты детям не продавали, мы собирали окурки и курили) и выпорол меня офицерским ремнем – с тех пор я не курю. Воистину сила офицерского ремня волшебна)))

Конечно, меня не покидает боль в сердце, которая будет со мной навсегда. Это было уже после института. Мы выпивали с приятелем дома. Отец зашел, сделал замечание, и я спьяну как-то грубо ему ответил, сказал, что все надоедо, и гордость не позволила мне извиниться. Отец обиделся. Очень скоро он заболел (инсульт). Год мучился, а потом ушел из жизни. Я перед отцом так и не извинился. Поэтому, дорогие мои читатели, почаще говорите своим родителям, как вы их любите, и не стесняйтесь извиняться.

У отца было семнадцать орденов и медалей. Когда и у мамы случился инсульт, квартира месяц стояла открытая. Китель, который, конечно, я мечтал передавать внукам и правнукам, украли. Если бы нашел этих негодяев, этих воров, задушил бы собственными руками.

Хорошие воспоминания тоже есть. Например, как мы с мамой до и после ее спектаклей ели взбитые сливки в кафе с видом на Кремль в гостинице «Москва» – ничего вкуснее в своей жизни я не пробовал. Когда я уже был постарше, пил невероятно вкусное пиво – называлось «Двойное золотое». Оно продавалось только в буфетах Большого театра и Кремлевского дворца съездов. Мама моя была настоящей звездой. Часто выступала перед космонавтами, берегу ее фото с Юри-

ем Гагариным и Германом Титовым. Она дружила со своими коллегами, оперными певцами, дирижерами и режиссерами: Ириной Архиповой, Иваном Пьявко, Галиной Вишневской, Артуром Эйзенем, Борисом Покровским и многими другими.

Когда я был маленьким, мама очень хотела, чтобы я пошел по ее стопам и стал музыкантом. Поэтому с четырех лет я учился играть на фортепиано, потом на скрипке, на виолончели, занимался в музыкальной школе имени Дунаевского. Так что путь мой был определен: сначала я должен был поступил в Мерзляковское училище при консерватории. Я очень понравился декану факультета контрабаса (по совместительству секретарю партийной организации консерватории). У меня была хорошая виолончельная техника и очень длинные пальцы – идеально для контрабаса. А дальше меня бы ждала консерватория и оркестр Большого театра. Мой школьный товарищ Леня Смелов, с которым мы сидели за одной партой, окончил консерваторию и до сих пор играет в оркестре Большого театра. Мы нашли друг друга в соцсетях, недавно он приезжал ко мне в гости и, проходя по моему особняку, сказал: «Андрюха, повезло тебе, что ты в консерваторию не пошел)))». А туда я не пошел из-за отца, он не хотел, чтобы я становился профессиональным музыкантом, считал, что музыка – это что-то несерьезное. Семья наша была небогатая. Машины не было, квартира кооперативная, за квартиру каждый месяц платили деньги, а мама моя

была очень безалаберная, честно говоря, все время сидела в ломбарде, в долгах. И вытащил я ее из ломбарда, только когда уже стал зарабатывать свои первые деньги. А еще у нас была дача восемь соток на станции «Театральная», огромный конгломерат дачных поселков. Было ощущение, что все предприятия Москвы, все театры и даже Мосфильм и Союзмультфильм находятся там – а мы жили в поселке Большого театра. Много друзей, походы, велосипеды, песни у костра, рыбалка. Бабушка, кстати, тоже ловила рыбу. Кот всегда ждал, когда бабушка что-то поймает – мелочь доставалась ему. Очень вкусные карасики бабушка жарила. У нее была целая ферма, она весной покупала цыплят, причем были не только цыплята, но и цесарки, утки. Помню, соседи жаловались, что наши утки плавают в пруду, а утки ели всю эту ряску, и пруд был чистый. А когда бабушка перестала уток держать, то он сразу зацвел. Пруд был прям вплотную к нашему участку. Домик небольшой, жили, как я говорил, мы скромно. Но вот всем ребятам, когда нам исполнилось лет по пятнадцать, им родители начали покупать мопеды, мотоциклы, и я, конечно же, тоже начал просить. Схема финансирования была интересная, папа делал первый взнос, а бабушка обеспечивала ежемесячный платеж, потому что мы могли купить только в рассрочку. Бабушка жестко сказала, что только мотороллер, потому что на нем ей было удобно сидеть, а нужно было ездить за продуктами в Тучково, потому что магазина не было. Когда поселок только постро-

ли, электричества не было, воды не было. За водой ходили в колодец. Керосиновые лампы, керосиновые плитки – приезжала такая цистерна с керосином и все с бидонами шли и покупали этот керосин. Все мои друзья гоняли на «макаках» и «коврах» (так называли мотоциклы Минского и Ковровского мотозавода), а я, значит, на мотороллере «Тула». Представляете, что это значит для молодого парня? Но я гонял на мотороллере лихо. Все мои интересы мгновенно перенеслись в сферу мотоспорта, я в него просто влюбился, у меня все тетради были изрисованы мотоциклами. Иногда мне везло и доставался какой-нибудь плакат Kawasaki Max 3, например. И я на квадратики разрисовывал ватман, чтобы точно передать рисунок, и делал гиперреалистичную картину, круче, чем фотография))). Дарил своим друзьям на дни рождения. Помню невероятное ощущение, когда в магазин «Мото Ява» на Хорошевке приехал бывший Посол СССР в Японии на Honda CB750 – его окружила толпа несколько сотен человек, я просто смотрел и не мог оторваться. Кстати, стаж на мотоцикле у меня уже пятьдесят лет. Потом у меня еще был интересный гибрид – рама и ходовая от «МЦ», а двигатель от немецкого довоенного четырехтактника «Виктория». Сейчас у меня большая коллекция мотоциклов, в основном, конечно, Harley-Davidson. Компания у нас на даче была интересная, помню Диму Золотухина, который потом сыграл Петра Первого в сериале «Юность Петра», он жил в МХАТовском поселке. И вот мы с братом увлеклись

мотокроссом, даже тренировались в команде ЦСКА. Представляете, я молодой пацан, а рядом мои кумиры, чемпионы мира по мотокроссу Виктор Арбеков и Геннадий Моисеев. Рядом у метро Аэропорт был Московский автодорожный институт, ну и я без раздумий туда поступил, планировал, что после окончания института буду работать в Серпухове во ВНИИ Мотопрома. Нисколько не жалею, что получил инженерное образование. Там меня научили мыслить, анализировать и находить информацию. Помню предмет «Материаловедение». Я заболел, пропустил несколько лекций и отстал. Сажу на лекции и не понимаю, о чем говорят. А преподаватель, доктор наук Наталья Эрнестовна Струве, потрясающая женщина, обратила внимание, что я рисую мотоциклы, оставила меня несколько раз после занятий и все мне подробно объяснила, вызвала у меня интерес к предмету. Стали, чугуны... И я шел на экзамен вообще не готовясь. И отвечая ей, просто логически рассуждал, как она учила, и получил заслуженную пятерку. Помню нашего ректора Леонида Леонидовича Афанасьева. Одна история некрасивая, честно говоря. Мы выпивали в институте, группа была очень дружная, до сих пор часто встречаемся. И вот как-то пьяный я валялся в сугробе рядом с институтом, а он проходил мимо. Мог бы ведь обратить внимание, вплоть до исключения. В стройотряде поработал, перед поездкой договорился с отцом, и в его профтехучилище из меня сделали хорошего каменщика. И в поселке Холм-Жирковский в Смоленской области, навер-

ное, до сих пор стоит гараж, который я сложил своими руками. Там я установил личный рекорд, правда, сомнительного качества – выпил полторы бутылки водки))) Взяли мы с Витей Забелкиным в выходной день три бутылки на двоих, банку тушенки, банку кильки в томатном соусе, выпили и пошли на танцплощадку. Причем Витя на голову выше меня, огромный, здоровый мужик. Меня пустили, а его нет. Но проснулся я в стоге сена))) Больше я такими рекордами не занимался.

Помню, на военной кафедре сдавали зачет, слух прошел – бутылку коньяка майору и автоматически ставят. Мы бутылку отдали и вдруг он раздает нам листы, мол, пишите. Мы пишем, сдаем, он их сложил аккуратно – и в мусорное ведро. Говорит, если бы две бутылки, то автомат, а за одну полуавтомат. Посмеялись)) Помню двухмесячные военные сборы – это было серьезно. У нас ведь были ребята, которые в институт поступили после армии, попробовали устроить дедовщину (конечно же, не из нашей группы). Получили люлей и успокоились. Марш-бросок двадцать километров с полной выкладкой (автомат, шинель), пробежал меньше чем за три часа.

Но все-таки творческая жилка во мне никуда не делась. Я всегда любил рисовать, лепить, увлекался резьбой по дереву. И когда я учился уже на последнем курсе института, отец, видя мою такую любовь к творчеству, говорит: «А пойдем, я тебе покажу кое-что интересное». И привел меня в

действительно интересное место. Был такой Центр творчества профессионального технического образования молодежи. Хорошее место, где в самых разных кружках занималось большое количество людей. Каких только кружков там не было, в том числе по производству художественной мебели, резьбе по дереву и скульптуре. Там были настоящие энтузиасты, которые из дерева мастерили разные поделки. Я учился на последнем курсе, когда начал заниматься этим: сделал первый стол, потом второй. И увлекся скульптурой, лепил портреты всех своих друзей и дарил им. Вылепил тогда в глине портрет князя Дмитрия Донского, он сохранился, и недавно я отлил его в бронзе и поставил в усадьбе Гребнево.

Один из вопросов, который мне часто задают, – как я заработал стартовый капитал для своего первого, так сказать, бизнеса. Я два лета трудился на конвейерах ЗИЛа, работал в стройотряде и еще снялся в художественном фильме, который до сих пор не могу найти. В нем точно совершенно снимался Николай Караченцев, но в его фильмотеке этого фильма нет. Я получил огромные деньги – 84 рубля, мы как вокально-инструментальный ансамбль «Пилигрим» снимались в этом фильме. Мне дали контрабас с тремя струнами, и мы там изображали крутых музыкантов. Брат к тому времени уже женился, и мы жили втроем с папой и мамой. Квартира наша была в кооперативном доме Большого театра, по адресу улица Усиевича, дом 5. Очень интересная улица, потому что она вся состояла из корпоративных домов, где жили де-

атели искусства. Художники, скульпторы, драматурги, композиторы – кого там только не было. Родители были очень гостеприимные. У нас дома бывали и Нонна Мордюкова, и Николай Рыбников, и Георгий Юматов. За дочкой Николая Рыбникова я даже ухаживал. Ближе всего мы дружили с Георгием Юматовым и его женой Музой Крепкогорской, тоже актрисой. Про знаменитые роли ее мужа все знают, а она сыграла очень много второстепенных и эпизодических ролей в известных фильмах, например генеральшу в химчистке в «Москва слезам не верит». Георгия Юматова я очень уважал, он ведь воевал, у него много было боевых орденов. Помню, как они с отцом запирались на кухне и о чем-то говорили, два фронтовика. А под нами жил известный телеведущий и конференсье Лев Шимелов – кто к нему только в гости ни приезжал... и Жванецкий, и «Самоцветы». Учился я в школе № 715, которая стояла прямо напротив нашего дома.

Но вернемся к тому, как я начал свою предпринимательскую деятельность. У нас дома часто были гости, и вот как-то раз одна подруга мамы мне говорит: «Андрей, не можешь мне сделать на заказ вот такую вещь?» И в каталоге «Quelle» (эти каталоги были очень популярны, заказать по ним в СССР ничего было нельзя, но они изображали красивую западную жизнь) показывает мне фотографии соснового кухонного буфета. Я говорю: «Могу такой, конечно, но давайте сделаю намного интереснее». И я его сделал прак-

тически на коленке. Струганные профили, которые сам изготовил в мастерской, напиленные решеточки на дверцах. И даже украсил керамикой, которую сам вылепил, обжег, раскрасил, потом еще раз обжег – как сейчас помню, там были два солнышка, улыбающееся и хмурящееся. Сделал как раз в том самом Центре творчества. За этот шкафчик мне заплатили триста пятьдесят рублей. Чистая прибыль рублей триста. Потом постепенно стали появляться еще заказы.

У нас была одна соседка по дому, которая тоже работала в Большом театре, она очень любила красивые вещи. Я ей сделал шесть или семь потрясающих столиков по цене от 500 до 1600 рублей. Самый дорогой был просто невероятный, украшенный восемью розами, каждая из двухсот пятидесяти кусочков шпона разных пород, сделанных в технике маркетри. Найти бы эти столики сейчас, купил бы за любые деньги. Напротив, в доме Москонцерта, жила очень интересная семья. Глава семейства Игорь Киричук, известный конференсье. У него была потрясающая коллекция живописи: даже Рубенс и Рембрандт были; а люстра просто фантастическая, из Дрезденского дворца (знающие люди понимают, как такие вещи могли к нему попасть). Один старинный столик помню, портрет Людовика XVI в центре, а по краям его любовницы. И вся его мебель нуждалась в реставрации. Я абсолютно бескорыстно ему помогал. У Игоря был зять, Слава, который работал барменом. Бармен в те времена – это была особая профессия. Многие не представляют: чтобы попасть

в ресторан вечером в субботу, например, нужно было иметь знакомого (метрдоателя, бармена, директора) или надо было заплатить десять, пятнадцать, три рубля – в зависимости от качества ресторана. По-другому не получалось.

С помощью Славы я получил уже официальные заказы. То есть по договору делал интерьеры и мебель для ресторанов и баров, в которых он работал. В Олимпийской деревне было кафе «Молочное», делал там интерьер. Место, куда было просто невозможно попасть, очередь стояла в несколько сотен человек. Еще одному серьезному грузину... Я даже не знаю, кто он был. Может, вор в законе – не уверен. Огромная квартира, вся уставленная венгерской мебелью, и конечно, государственная цена этого венгерского гарнитура была девять тысяч рублей. Разумеется, он его покупал за три цены, потому что мебель была страшным дефицитом. Но у него дома было четыре телевизора, а подставка под телевизор в гарнитуре – только одна. Ему нужно было еще три таких же сделать. У него стоял шкаф четырехстворчатый, и на пустое место в стене надо было еще одну створку сделать. Это мог сделать практически во всем Советском Союзе (или во всей Москве) только я один. Вот так я целый год не выходил ни на какую работу по распределению, занимался подобными заказами, их было много. Но родители все-таки очень переживали, что я могу попасть под статью о тунеядстве. Отец даже подумывал о том, чтобы отправить меня в армию, потому что офицером служить два года, а по распределению

работать – три. Но в результате в какой-то момент он уже жестко сказал: «Андрей, если ты сейчас не выйдешь на работу, то ты сядешь».

Так что все-таки пришлось выходить на работу. Пришел я в Конструкторское бюро транспортного машиностроения. Закрытый, режимный, секретный объект – шестнадцатизэтажная черная башня рядом с метро «Юго-западная». Сейчас, конечно, там офисный центр. Я пришел туда, и все равно попытался как-то от этого отделаться, говорю им: «Вы знаете, я увлекся художественной мебелью, мечтаю поступить в Строгановку, мне у вас уже не интересно, отпустите меня». Они говорят: «Да вы что, с ума сошли? Какой отпустить – работать!» Но все равно моя такая здоровая наглость сработала. Обычно люди после института рисуют какие-то болты-гайки, а мне дали проектировать кран для загрузки баллистических ракет в атомную подводную лодку, модель я уже не вспомню, но это была серьезная работа. Оказалось, что, даже в конструкторском бюро, если ты ко всему подходишь с энтузиазмом, то может оказаться много интересного. Например, молодых специалистов отправляли в пионерские лагеря вести кружки. Вот так я с большим удовольствием летом работал руководителем кружка резьбы по дереву. Участвовал в строительстве олимпийских объектов.

В общем, в какой-то мере я нашел себя в конструкторском бюро, но потом у меня неожиданно испортились отношения с начальником отдела. Что-то он мне там грубое сказал, я от-

ветил: «Ах так, объявляю итальянскую забастовку!» Выхожу на работу и не работаю, рисую себе шкафчики, представляете? Секретное конструкторское бюро, Советский Союз – и тут вдруг итальянская забастовка! Потом случился еще один инцидент. Один раз заместитель генерального директора по режиму влез передо мной в очередь в столовой, и я его на три буквы послал – сам удивляюсь, как так получилось. Я вообще был очень дерзкий в молодости, бывало и по морде получал. Разумеется, дошло до генерального конструктора Всеволода Николаевича Соловьева. И вот он вызывает меня к себе и говорит по-отечески: «Рассказывай, что у тебя, что происходит?» Я ему отвечаю: «Так и так, не могу так больше работать, хочу быть художником». И он вдруг вместо того, чтобы разбираться со мной, угрожать, наказывать, предлагает: «А давай мы тебя в художники переведем!» Я, конечно, сразу же с удовольствием согласился. И меня действительно перевели в художники, поручили делать художественную мебель в зал приемов. Портрет Ленина сделал. Может, до сих пор где-то в бюро висит. Но свою идею о том, чтобы учиться в Строгановском училище, я не оставил, параллельно с работой готовился к поступлению и поступил в конце концов. Занимался рисунком и живописью у внука знаменитого скульптора Евгения Лансере. Очень интересная квартира и очень интересная семья. Среди их родственников – Бенуа и Серебряковы.

История моего поступления в Строгановку – просто фан-

тастическая. Я начал готовиться, занимался живописью, рисунком. Готовиться было, конечно, необходимо, потому что даже черчение, которое я, казалось бы, знал в совершенстве, оказалось совсем не таким, как я привык. Слава богу, что решил на всякий случай с преподавателем из Строгановки позаниматься. Сдал все необходимые документы. Неожиданно возникли споры в приемной комиссии, потому что у меня уже было высшее образование. По идее мне не нужно было сдавать общеобразовательные предметы, только профильные. Но в приемной комиссии Строгановки сказали, что нет, нужно сдать все экзамены. Я с ними спорил, доказывал свою правоту, но безуспешно. Тогда я пошел к ректору, объяснил ему ситуацию, он согласился со мной: рисунок, живопись и черчение я должен был сдавать, а вот история КПСС и другие общеобразовательные экзамены не надо. В итоге документы у меня приняли.

И вот я сдаю профильные экзамены, получаю две тройки и одну четверку – как раз по черчению. В группу набирали, кажется, двенадцать человек, а из двадцати сдававших у всех были только тройки. Тех, у кого была хотя бы одна четверка, было всего трое, включая меня, то есть я с запасом проходил. Тут пришло время общеобразовательных экзаменов. Прихожу в приемную комиссию, говорю: «Я все сдал. Принимайте». Они говорят: «Нет, идите сдавать общеобразовательные предметы». Отвечаю: «Но я же с ректором договорился». Они: «Ничего не знаем». Запомнили меня. Не лю-

бят у нас правдолюбков. Я опять иду к ректору. А мне отвечают, что он в отпуске. Я опять пошел в приемную комиссию, они говорят: «Вам тоже надо сдавать». А там история СССР письменная и еще два экзамена устных, я думаю: «Меня завалят». Пришлось опять идти к ректору, а мне опять отвечают, что он в отпуске, будет только первого сентября. Уезжал, чтобы не доставали звонками именитые родители абитуриентов. Пришлось ждать, когда он вернется. Дождался, прихожу к ректору, говорю, так и так, вот хорошо сдал экзамены (а пятерки не ставили никогда, считалось, что пятерки могут получить только Микеланджело и Леонардо да Винчи), а меня отправляют на общеобразовательные, хотя вы обещали, что их сдавать не надо. Ректор согласился, вызвал проректора, они начинают смотреть документы и выясняется, что вопрос действительно спорный и по документам нет однозначного решения.

Ну и решили мое дело отправить в Министерство высшего и среднего образования СССР. Приехал я туда, а там какой-то сотрудник начал очень внимательно поднимать документы и нашел постановление Высшего совета народного хозяйства от 1924 года, в котором было написано, что в таком случае, как у меня, нужно зачислить человека на второй курс, но при этом он должен пройти программу первого курса и сдать экзамены за первый курс. Так что получалось, что меня зачислили на второй вечерний и одновременно на первый дневной и в конце учебного года мне надо было сда-

вать экзамены сразу за два курса. Это было серьезно, не было ни одного случая в истории Строгановского училища, чтобы человек закончил два курса за один год. Помню, у меня дома позолотчики работали, и когда я им что-то советовал, то они мои советы, конечно, не принимали всерьез. Но оказалось, что они тоже учились в Строгановке, и когда я рассказал, что два курса за один год закончил, они меня очень уважали.

Так что я учился, работал художником и продолжал делать мебель на заказ. Появилась у меня тогда первая машина – ржавая, гнилая одиннадцатая модель жигулей. Купил за тысячу рублей. Я ее восстановил сам: нашел сварщика, заварили все дырки (два месяца на это ушло), потом сам зашпаклевал, покрасил – получилось очень симпатично. А попасть на станцию техобслуживания было невозможно, СССР – все по блату. А мой одноклассник Андрей Бахарев как раз работал на станции техобслуживания, и мою машину там отремонтировали. Спустя время продал и купил машину получше.

Когда умер Леонид Ильич Брежнев (это когда я работал в конструкторском бюро), у нас было общее собрание, большой экран, на нем идет трансляция, и все плачут. Казалось, жизнь закончилась. Что впереди? Когда пришел Андропов к власти, начались достаточно интересные вещи. Некоторые вспоминают Андропова как реформатора. Мне он запомнился облавами в очередях. Если ты в рабочее время находишься где-то в магазине, тебя могли поймать. Когда меня пери-

одически отпускал начальник (я уже художником работал), он говорил: «Не вздумай где-то встать в очередь!» Потому что будет большой скандал. А Михаил Сергеевич Горбачев, конечно, запомнился борьбой с алкоголем: магазины и бары поздно открывались, рано закрывались, огромные очереди. Но недавно я познакомился с Горбачевым лично, сфотографировался. Все-таки я считаю, что он выбрал ошибочный путь. Если бы тогда он пошел по пути китайских реформ... Не нужно было никакой гласности, не нужно было никакой демократии – только начать рыночные реформы и планомерно двигать их вперед. Не плавно и медленно, а быстрыми темпами. Чего, к сожалению, сделано не было. Но условия для ведения бизнеса при Горбачеве были одними из лучших на самом деле. Ставки по кредитам – 2 %, налог – 2 %. И огромный пустой рынок.

И вот я учусь в Строгановке, у нас хорошая группа, специальность «Проектирование мебели». И появляется в 1988 году «Закон о кооперации». В то время ориентированы на рынок были цеховики, спекулянты, фарцовщики и, наверное, такие ремесленники, как я, которые понимали, что нужно рынку. Я говорю: «Ребята, давайте объединяться, будем делать хорошую инкрустированную мебель». Помните, я говорил, что я работал дома? А когда появились кооперативы, можно было взять цех в аренду. Я говорю: «Возьмем цех в аренду и начнем работать». И вот мы зарегистрировали кооператив «Престиж». Иногда меня спрашивают начинающие

предприниматели: «Где мне найти наставника?» Какие наставники в восемьдесят восьмом году? Но мы были профессионалы в области мебели и в принципе понимали, как все это делать (кстати, у многих моих однокурсников сейчас мебельные фабрики). Мы создаем кооператив, регистрируем, берем в аренду цех... А что делать-то? Я нашел несколько заказов. Руководителю известного оркестра сделали два инкрустированных столика, еще кому-то – и все, и нет заказов. Как рекламу давать – мы еще не понимаем. И где ее давать? Богатые люди еще прячутся, их еще нет. Нашли еще один заказ для загса на Тверской. Заработали двенадцать тысяч рублей.

Примерно в это же время в кооператив вступил мой одноклассник по МАДИ Саша Петров, потом он длительное время был моей правой рукой, внес серьезный вклад в наше общее дело. Его уже нет с нами, но я его буду помнить всегда.

К сожалению, организационная форма кооператива давала возможность недобросовестным людям захватить управление. Взяли мы на работу хорошего столяра, а он оказался гнидой, начал подговаривать людей: «Давайте соберем собрание и поменяем Ковалева на меня, я вам буду зарплату в два раза больше платить». Это была первая попытка рейдерского захвата в моей жизни – пресек это очень жестко.

Когда стал вопрос о том, какую продукцию нам выпускать, я подумал об очень модной тогда вещи – угловых кухонных диванчиках. Тогда прямо все хотели их купить. Сна-

чала такие диванчики поставляли югославы, потом кооператоры начали их делать, но они поставляли их в собранном виде, все склеенное. А я придумал делать их сборными. Тогда про «Икею» еще никто у нас в стране и не слышал. Так что я был первопроходцем. Мы делали их в виде трех упаковок, пакетика с крепежом и инструкции по сборке. И так хорошо эти сборные диванчики пошли, что я буквально завалил ими весь Советский Союз.

Попозже случилась одна интересная история. Когда я говорю о реформах, мне часто отвечают: «Какие реформы в России? У нас одни ленивые алкаши!» Это вранье! Наши люди работающие, им только стимул нужно дать. Я собирался открывать совместное предприятие с немцами. И вот в качестве пробы они привезли нам комплектующие мягкой мебели на сборку. Там были в том числе сложные механизмы трансформации, причем такие, которых у нас еще не было в стране, и чехлы. Все остальное, все деревянные части и подушки из поролона мы сделали сами. Привезли в мою егорьевскую фабрику комплектующие, немцы показали весь технологический процесс. И мои ребята начали собирать. Немцы посмотрели-посмотрели, потому подошли ко мне и через переводчика говорят, что они просто поражены – мои рабочие через час начали работать так, как будто их полгода учили. Они не ожидали, что русские рабочие работают лучше немецких. В очередной раз убедился в том, насколько наши люди талантливые, у нас каждый второй – «Левша»,

который что угодно может смастерить.

Кстати, егорьевский кооператив был третьим после двух московских. В Егорьевск можно было доехать по «пьяной дороге» – там практически не было прямых участков, вся дорога состояла из поворотов. Три «Волги» разбил, пока туда ездил. Интересно, построили в Егорьевск новую дорогу?

Дела шли хорошо, и примерно через полгода-год у меня работало уже порядка пятисот человек, а через два-три года – уже почти две тысячи. Всего было примерно десять-двенадцать фабрик и филиалов. Но не будем забегать вперед. Когда у меня уже было три кооператива, появились проблемы. Хотя частное предпринимательство больше не было незаконным, все равно государственные структуры с подозрением смотрели на кооператоров. В частности, очень трудно было покупать материалы. И вот я придумал такую штуку. Мне надо было сделать печать, там должно было быть написано: «Производственное объединение кооперативов «Москворечье»». А я подружился с майором, который выдавал разрешения. Тогда на все было нужно разрешение милиции. Ксерокс купить – разрешение, факс купить – разрешение, печать сделать – разрешение. Я говорю ему: «Слушай, а можно мне согласовать просто «Производственное объединение «Москворечье»?». Он говорит: «Да пожалуйста». Мы с ним, конечно, посидели хорошо в «Пекине», а тогда в ресторан было просто так не попасть. Ну и согласовали мне такую печать, на которой не было указано, что предприятие коопера-

тивное, – маленькая хитрость, чтобы облегчить отношения с властными структурами. Теперь печать стала похожа на печать государственного предприятия.

Были огромные проблемы с материалами для производства мебели. ДСП, ткани, поролон – все было страшным дефицитом. Я дежурил в магазинах стройматериалов, по бартеру (тогда было в ходу такое слово) обменивал мебель на ткани на предприятиях. В Институте теплотехники, тоже режимное предприятие, на складах покупал у них всякие неликвиды, которые приспособливал для производства мебели. И вот случайно я узнаю про ситуацию с территориальным концерном «Центромебель» Минлеспрома СССР – это все предприятия центра России: «Владимир – мебель», «Рязань – мебель», «Тула – мебель», «Брянск – мебель» и так далее, и несколько крупных предприятий в Москве. При Михаиле Сергеевиче Горбачеве во время перестройки всем предприятиям в два раза повысили план по производству товаров народного потребления, а государственным фабрикам это было не нужно. Они к этому не были готовы. Тогда я пришел к генеральному директору «Центромебели» Алексею Григорьевичу Митюкову и сказал: «Дайте план, и я его буду выполнять». И представляете, небывалый случай, меня включили в состав «Центромебели» приказом министра. Теперь печать стала уже совсем солидная: «Министерство лесной промышленности Советского Союза. Территориальный концерн «Центромебель». Мебельное производствен-

ное объединение «Москворечье»».

План, конечно, дали просто огромный, но зато дали материалы для производства мебели. Все это я получал по разнарядке Госснаба СССР – невероятная ситуация, ни у каких других кооперативов даже близко такого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.